

Стоявшие у трона

Приход к власти Елизаветы Петровны неизбежным образом вызвал изменения в составе правящей верхушки. В ночь переворота были арестованы самые крупные деятели правительства Анны Леопольдовны – А.И. Остерман и М.Г. Головкин. Первый из них в должности генерал-адмирала руководил внешней политикой страны, а второй занимал пост вице-канцлера, но ведал внутриведомственными делами. В этом своеобразном распределении обязанностей высших должностных лиц выражались политические расчеты и удовлетворение личных амбиций. Были арестованы также находившийся в отставке фельдмаршал Б.Х. Миних, обер-гофмаршал К.Р. Левенвольде, президент Коммерц-коллегии К.Л. Менгден и несколько менее крупных чиновников. На месте удержался князь А.М. Черкасский, занимавший высший государственный пост канцлера, но никак не скомпрометировавший себя в глазах Елизаветы и даже преуспевший в заискивании перед ней накануне переворота.

Сразу же после восшествия на престол Елизавета Петровна созвала совет высших чиновников, в который, помимо Черкасского, вошли фельдмаршал И.Ю. Трубецкой, генерал Л. Гессен-Гомбургский, генерал-прокурор Сената Н.Ю. Трубецкой, действительный тайный советник А.П. Бестужев-Рюмин, адмирал Н.Ф. Головин, обер-шталмейстер А.Б. Куракин и тайный советник К.Г. Бреверн. Обращает на себя внимание тот факт, что даже в первые часы своего правления новая императрица не могла обойтись без немцев. Если принц Гессен-Гомбургский возвысился как тайный сторонник Елизаветы до ее восшествия на престол, то Бреверн, являвшийся правой рукой Остермана, был необходим новой власти в силу своей компетентности. Особое место в правящей верхушке нового царствования занял И.Г. Лесток. Он был пожалован в чин действительного тайного советника, назначен главным директором Медицинской канцелярии, реальный вес ему обеспечивало положение лейб-медика и друга Елизаветы. Ее мнительность в отношении своего здоровья способствовала тому, что Лесток часто находился возле нее и не упускал случая представить ей дела в соответствии со своими взглядами и интересами. Вероятно, Елизавете даже нравилось обсуждать государственные проблемы с остроумным французом, к обществу которого она привыкла еще с ранней юности. Один из сановников говорил, что «государыня отличается непостоянством усваивать себе мнение, смотря по тому, в какую минуту оно ей предложено, также высказано ли оно приятным или неприятным образом. Лесток серьезно и в шутку может говорить ей более, чем всякий другой. Когда государыня чувствует себя не совсем здоровою, то он как медик имеет возможность говорить с нею по целым часам наедине, тогда как министры иной раз в течение недели тщетно добиваются случая быть с нею хоть четверть часа».

Впрочем, Елизавета Петровна больше доверялась Лестоку в отношении своего здоровья, чем в государственных делах. С присущим ей здравым смыслом она не склонна была видеть в своем лейб-медики патриота России и однажды отозвалась о нем весьма язвительно:

«Если бы Лесток мог отравить всех моих подданных одной ложкой яда, он, верно, сделал бы это».

По ходатайству Лестока Елизавета Петровна 12 декабря 1741 года назначила вице-канцлером Алексея Петровича Бестужева-Рюмина – одного из самых выдающихся государственных деятелей эпохи. Образование он получил в Копенгагене и Берлине, некоторое время с разрешения Петра I состоял на службе у ганноверского курфюрста и английского короля Георга I, затем почти двадцать лет являлся дипломатическим представителем России в Дании, Гамбурге и снова в Дании. В 1740 году Бестужев-Рюмин был отозван в Петербург и стал креатурой Бирона, который ввел его в Кабинет министров вместо казенного А.П. Волынского. Бестужев активно поддержал Бирона при назначении его регентом, за что и поплатился, будучи арестованным одновременно со своим патроном. Следственная комиссия приговорила его к смертной казни, которую Анна Леопольдовна заменила ссылкой в деревню. После переворота положение опального вельможи немало способствовало его возвышению. Уступив ходатайству Лестока в отношении Бестужева-Рюмина, Елизавета Петровна сказала лейб-медику: «Я боюсь, что ты связываешь для себя самого пук розог». Эти слова императрицы казались пророческими.

Крупной фигурой в новом правительстве стал генерал-прокурор Сената Никита Юрьевич Трубецкой. Эта должность, в которой он состоял с 1740 года, прежде не позволяла ему иметь большого влияния на дела. Но после ликвидации Кабинета министров и превращения Сената в высший правительственный орган возрос и престиж генерал-прокурора, который стал теперь одним из руководителей внутренней политики России. Трубецкой считал елизаветинский переворот неполным, пока иностранцы занимали высшие должности в российской армии и оставались в числе приближенных к императрице. Объектами его нападок стали фельдмаршал П.П. Ласси и генерал В. Левендаль, но особую ненависть генерал-прокурора вызвал Лесток. Вражда между ними разгорелась до такой степени, что они жаловались друг на друга императрице, а потом публично объявили себя заклятыми врагами. Лесток утверждал, что Трубецкой самовольно распоряжается внутренними делами, и его поступки представляют собой ряд насилий и несправедливостей.

Союзника Трубецкой нашел в лице Черкасского, с которым его объединяло княжеское происхождение. Оба смотрели на Бестужева-Рюмина как на выскочку и интригана и старались лишить его влияния на дела. Черкасский, освободившись от Остермана и Головкина, вообразил себя способным быть настоящим канцлером, хотя даже не знал иностранных языков.

Близким другом Бестужева-Рюмина был генерал Степан Федорович Апраксин, вместе с которым он нашел способ застраховать себя от гонений противников, сблизившись с фаворитом императрицы. По свидетельству М.М. Щербатова, «сии двое прилепились к Разумовскому, пив вместе с ним и угождая сей его страсти, сочинили партию при дворе,

противную князь Никите Юрьевичу Трубецкому». Другой опорой Бестужеву-Рюмину служил кабинет-секретарь императрицы И.А. Черкасов, с которым его связывала давняя дружба.

Таким образом, с первых месяцев нового царствования представители правящей верхушки разбились на враждебные группировки и начали борьбу за влияние на императрицу, что, впрочем, нисколько ее не озадачивало. По словам С.М. Соловьева, «Елизавета, будучи от природы умна и наблюдательна, не могла не заметить очень скоро борьбы между своими вельможами; она отнеслась к ней спокойно; будучи одинаково хорошо расположена ко всем ним, считая их всех нужными для своей службы, она не хотела жертвовать одним для другого. Эти люди, стремившиеся овладеть ее доверием, ее волею, как обыкновенно бывает, не понимали сколько гарантии для них заключается в этом спокойствии, этой ревности императрицы относительно их...».

Нужно добавить, что во взаимоотношениях с высшими чиновниками Елизавета Петровна не позволяла себе руководствоваться симпатиями или антипатиями. Например, она лично недолюбливала А.П. Бестужева-Рюмина, но очень ценила его как самого талантливого и опытного государственного деятеля в своем окружении.

Своеобразное место при дворе Елизаветы Петровны занял Шетарди, которому новая императрица постоянно оказывала знаки внимания и дружбы. Тем самым она подчеркивала свою благодарность французскому дипломату, который, впрочем, рассчитывал на большее признание своих заслуг. Но Елизавета положила конец иностранному вмешательству в дела российской политики в тот момент, когда намеренно исключила Шетарди из числа непосредственных участников переворота и осуществила приход к власти по собственному плану. Это событие оказалось для француза неприятным сюрпризом, поскольку, по замечанию современника, «внезапно совершенный Елизаветою удар разрушил все зловредные его замыслы»: он «желал, чтобы перемена сия произведена была по его предначертанию», и мечтал в случае удачи «беспрепятственно и самовластно господствовать при. Российском дворе».

Тем не менее в первые дни по вступлении на престол Елизаветы Петровны французского посланника окружал необыкновенный почет. Английский дипломат Э. Финч отмечал в своих депешах, что «если первый поклон императрице, то второй Шетарди». Елизавета любила проводить время в компании галантного и остроумного француза, однако тот напрасно пытался использовать свою близость к императрице для навязывания ей взглядов в интересах Франции. Еще до переворота Шетарди на тайных встречах с цесаревной убеждал ее после прихода к власти вернуть Россию к своим «подлинным принципам», под которыми он понимал устранение от европейских дел и замыкание в некоей самобытности. Но если тогда осторожная Елизавета могла оставлять внушения француза без возражений, то теперь она определенно заявляла о своем намерении следовать принципам Петра Великого, к числу которых относились активная внешняя политика и европеизация страны.

В результате дворцового переворота Россия оказалась в состоянии неопределенной внешнеполитической ориентации. Враждебные друг другу Австрия и Франция через своих дипломатических представителей в Петербурге старались привлечь молодую империю каждая на свою сторону. Но австрийский посол А.О. Ботта-Адорно находился в менее выгодном положении, поскольку Елизавета Петровна знала о его попытках раскрыть Анне Леопольдовне глаза на заговор в ноябре 1741 года. Австрийская и венгеро-богемская королева Мария Терезия по причине своих дружественных и родственных связей с брауншвейгской фамилией также не вызвала симпатий Елизаветы. Свое отношение к Австрии императрица в самом начале своего правления выразила в весьма резкой форме. Когда во время коронации Елизаветы Петровны между иностранными дипломатами возникли споры о старшинстве, она заявила: «Ботта не имеет ни малейшего основания много о себе думать: когда он будет слишком важничать, то может отправиться туда, откуда пришел, так как мне дороже дружба тех, которые в прежние времена не оставляли меня, чем расположение его нищей королевы». Упоминание о дружбе могло относиться только к Шетарди, следовательно, Франция в предстоящей дипломатической борьбе получала заведомое преимущество.

Соперничество европейских держав определило ориентацию противоборствующих группировок, исходивших из различного понимания внешнеполитических интересов России. Одну «партию» возглавлял А.П. Бестужев-Рюмин, который выступал за союз с Австрией, Англией, Голландией и Саксонией, гордо именуя этот альянс «системой Петра Великого». Активным сторонником вице-канцлера в то время являлся его старший брат – талантливый дипломат Михаил Бестужев-Рюмин, состоявший в должности обер-гофмаршала. Другая группировка во главе с Лестоком ставила своей целью сближение России с Францией и Пруссией.

Бестужев– Рюмин и Лесток сходились только в том, что проявляли доверие и расположение к саксонскому посланнику С. Пецольду, которому могли жаловаться друг на друга. Поэтому его донесения живо характеризуют позиции обеих сторон, причем на основании первоисточника. Бестужев-Рюмин рассказывал Пецольду: «Недавно у государыни сделалась колика, как это с нею часто бывает; позван был Лесток, и чрез несколько времени ввели к императрице Шетарди, с которым у них было какое-то тайное совещание, а когда пришли министры, она начала им объявлять новые доказательства, почему дружба Франции полезна и желательна для России, стала превозносить Шетарди, его преданность и беспристрастие. Положим, что Шетарди предан и беспристрастен; но князь Кантемир (российский посол во Франции.-В.И.) пишет из Парижа в каждом донесении, чтоб ради Бога не доверяли Франции, которая имеет в виду одно – обрезать крылья России, чтоб она не вмешивалась в чужие дела: могу ли я после этого по долгу и совести быть за Францию? И не заслуживаю ли я вместе с братом сожаления, когда государыня, несмотря на мой прямой способ действия, слушается все-таки Лестока и Шетарди, которые для своих целей прибегают ко всяким неправдам и клеветам. Мне известно, что мое падение составляет цель некоторых лиц, но я полагаюсь на свое правое дело».

Лесток со своей стороны говорил Пецольду: «На меня нападают за отношения к Шетарди; но я люблю хорошее общество, а нигде нельзя с таким удовольствием поговорить, поесть, попить и поиграть, как у этого министра; с другой стороны, я много обязан Шетарди за услуги и денежную помощь, которые он оказал как мне, так и государыне; наконец, я убежден, что дружба Франции очень полезна и выгодна для России. Прежде всего нужно было прекратить шведскую войну, и я присоветовал государыне обратиться к французскому королю и просить его о посредничестве. Великий канцлер и вице-канцлер считают это каким-то преступлением с моей стороны, разглашают, будто я присоветовал поступок, противный достоинству и интересам государыни... даже внушали государыне, что я получаю от французского двора деньги, о чем она мне сама сказала... Я до сих пор не имел ни малейшего желания вредить Бестужеву, напротив, всегда заступался и просил за него, начиная с того, что доставил ему место и голубую ленту (орден Святого Андрея Первозванного. – В.Н.). Я никогда не был высокого мнения об его уме: но что же делать, когда нет способнейшего? Я надеялся, что он будет послушен и что брат его, обер-гофмаршал, совершенно его образует; но я жестоко ошибся в своем расчете: оба брата – люди ограниченные, трусливые и ленивые... теперь они находятся под влиянием генерала Ботты, и, по их мнению, императрица не должна оставлять без помощи королеву Венгерскую. Императрица давно уже это заметила и теперь открыла мне, что подозревает вице-канцлера в получении от королевы Венгерской 20 000 рублей; это подозрение подкрепляется тем, что Бестужев каждый раз то бледнеет, то краснеет, когда она при нем скажет что-нибудь против Ботты. Время, следовательно, должно показать, кто из нас более подкуплен, я или вице-канцлер, и чьи советы были полезнее. С тех пор как существует союз между здешним кабинетом и венским, Россия не получила ни малейшей от него пользы и скорее получила вред...»

Упомянутое Лестоком посредничество Франции в прекращении русско-шведской войны действительно было неудачным. Шетарди по просьбе императрицы склонил шведов к заключению перемирия с Россией, но уладить конфликт дипломатическим путем оказалось невозможно. Попытки французского дипломата воздействовать на Елизавету с целью заключения невыгодного для России мира заставили императрицу разувериться в дружбе французского двора. Не добившись успеха, Шетарди в августе 1742 года был отозван в Париж. Елизавета простилась с ним внешне очень тепло и осыпала его дорогими подарками, но в душе испытывала другие чувства, выразившиеся в следующей записке: «И без Шетардия ум можно иметь, коли лучих опытоф не получим дружбы ея (Франции. – В.И.), а до сию пору плохая весьма и огорченная дружба окасывалась. Коли так его наградить, как он мне ту пору служил, то не надеюся, чтоб ему оное приятно было».

Отъезд Шетарди не повлек за собой русско-австрийского сближения и укрепления позиций Алексея Бестужева-Рюмина. Прохладное отношение к нему императрицы выразилось в том, что она не назначила его канцлером взамен Черкасского, скончавшегося 4 ноября 1742 года. Место осталось вакантным, и Бестужев ждал его почти два года, руководя внешней политикой в должности вице-канцлера. После смерти Черкасского Трубецкой, потерявший союзника, сошелся с Лестоком на почве их общей ненависти к Бестужевым.

Летом 1743 года франко-прусская партия получила возможность нанести тяжелый удар по бестужевской группировке, раскрутив шумное дело Лопухиных – Ботта. Подполковник И.С. Лопухин навлек беду на себя и свою семью тем, что в пьяном виде разглагольствовал о якобы готовящейся «перемене» и освобождении брауншвейгской семьи. Лесток, получив донос об этом от поручика Бергера, дал ему задание продолжить знакомство с Лопухиным и спровоцировать того на новые откровения. Соответствующий доклад Лестока Елизавете так ее напугал, что она распорядилась о патрулировании улиц и усилении караулов во дворце. Лопухин был арестован и под пытками дал показания о предосудительных разговорах своей матери Н.Ф. Лопухиной с женой брата вице-канцлера А.Г. Бестужева-Рюминой, а также о их связях с австрийским посланником Ботта-Адорно, который якобы ставил своей целью возвращение престола Ивану Антоновичу. Лесток торжествовал, предвкушая падение ненавистного противника и окончательное ухудшение русско-австрийских отношений. Дело приобрело размеры международного скандала: Ботта-Адорно, незадолго до описанных событий переведенный Марией Терезией из Петербурга в Берлин, был выдворен Фридрихом II из Пруссии в угоду Елизавете Петровне. Сменивший Шетарди французский посланник Б. д'Аллион с радостью сообщил в Париж, что «голос Бестужева и его шайки очень слаб теперь», и уже пророчил наместо вице-канцлера генерала А.И. Румянцева – противника бестужевской группировки.

Но враги Бестужевых недооценили справедливость императрицы, не подвергавшей опале родственников обвиняемых без достаточных на то оснований. Михаил Бестужев-Рюмин, содержащийся во время следствия под караулом, не был привлечен к делу и лично не пострадал, хотя, конечно, ссылка жены стала для него большим горем. Он не утратил доверия Елизаветы, которая в начале следующего года направила его полномочным послом в Пруссию, а затем в Саксонию. Алексей Бестужев-Рюмин вопреки надеждам врагов остался во главе дипломатического ведомства. Реальным результатом дела Лопухиных – Ботта явилось лишь недолгое ухудшение российско-австрийских отношений, пока Мария Терезия не желала признавать явно не доказанную вину своего посла. Но под угрозой разрыва дипломатических отношений с Россией она была вынуждена объявить «преступление маркиза Ботты мерзостным и проклятия достойным», посадить бывшего дипломата в крепость и предложить Елизавете Петровне самой установить срок его заключения. Такая декларация удовлетворила российскую императрицу, которая в ответ заявила, что «предает дело Ботты совершенному забвению и, не желая упомянутому Ботте никакого отмщения и зла, освобождение его оставляет на благоусмотрение королевы».

Лестоку оказывалось не под силу тягаться с Бестужевым-Рюминым, слишком явно превосходившим его по уму и талантам. Поэтому в декабре 1743 года в Петербург вновь прибыл маркиз Шетарди, который сразу же включился в придворные интриги с целью низвержения вице-канцлера. Но тот уже приготовил средство для ответного удара.

Донесения иностранных дипломатов на родину перлюстрировались, поэтому для секретных известий они использовали шифры. Так делал и Шетарди, полностью уверенный в своей безопасности. К его несчастью, в Коллегии иностранных дел служил статский советник Х. Гольдбах, являвшийся крупным ученым-математиком. Он расшифровал около пятидесяти донесений и частных писем Шетарди, в которых тот без опасения высказывал свои истинные мысли и намерения. Бестужев-Рюмин с удивительным хладнокровием свыше шести месяцев накапливал материал для дискредитации французского дипломата и наконец нанес ему сокрушительный удар. Дешифрованная переписка Шетарди была передана Елизавете Петровне с примечаниями вице-канцлера, который обвинил француза во вмешательстве в дела России и потребовал его высылки из страны. Собранные сведения достаточно подробно характеризовали усилия франко-прусской партии, направленные против А.П. Бестужева-Рюмина. Шетарди, действовавшего в союзе с прусским посланником А.А. Мардефельдом, поддерживали, помимо Лестока А.И. Румянцев, Н.Ю. Трубецкой и воспитатели великого князя Петра Федоровича О.Ф. Брюммер и Ф.В. Берхгольц. Соответствующие места донесений Шетарди Бестужев снабдил своим комментарием: «Неслыханное гонение и старание к невинному погублению вице-канцлера, так что французским двором король прусский побужден министра своего Мардефельда инстинктивно обще с маркизом Шетардием стараться его, оклеветав, погубить».

Бестужев-Рюмин не обольщался уверенностью в том, что Елизавета Петровна обязательно встанет на его защиту. Но он знал, что другие депеши Шетарди наверняка привлекут ее внимание. Французский дипломат вернулся в Россию в надежде подчинить Елизавету своему влиянию, но его обаяние и красноречие не возымели действия. Галантный француз в беседах с императрицей восхищался ее умом и талантами, но потом в состоянии раздражения наполнял зашифрованные донесения весьма нелестными отзывами о ней. Он писал, что «она в намерениях своих мало постоянна», она «единственно увеселениям своим предана и от часу вяще совершенную омерзельность от дел возымевает», «мнение о малейших делах ее ужасает и в страх приводит». Шетарди позволил себе вторгнуться даже в сферу закулисной жизни Елизаветы, заметив, что «услаждение туалета четырежды или пятью на день повторенное и увеселение в своих внутренних покоях всяким подлым сбродом... все ее упражнение сочиняют».

Императрица мгновенно отреагировала на оскорбления. Шестого июня 1744 года к Шетарди явилась группа чиновников во главе с А.И. Ушаковым, одно присутствие которого уже вызывало страх. Маркизу было объявлено предписание Елизаветы Петровны в течение суток покинуть пределы России. В Риге его догнал курьер с указом, согласно которому губернатор В.П. Долгорукий отобрал у Шетарди орден Святого Андрея Первозванного и портрет императрицы. Так окончилась российская одиссея бывшего друга Елизаветы.

В одном из перлюстрированных донесений Шетарди писал: «Мы, Мардефельд, Брюммер, Лесток, генерал Румянцев, генерал-прокурор князь Трубецкой, их приверженцы и я согласились стараться произвести в канцлеры генерала Румянцева, который, будучи главным в коллегии, будет иметь силу сдерживать Бестужева». Вероятно, эти откровения

французского дипломата могли вызвать особое раздражение императрицы, поскольку сама она была невысокого мнения о дипломатических способностях Румянцева. Его деятельность в качестве главы российской делегации на мирных переговорах со шведами в городе Або Елизавета Петровна оценила в следующих оригинальных выражениях: «Можно видеть, что о состоянии дел немного еще известен... Сколько известно, кто пуще зло творит, о тех умалчивает, понеже не токмо с глазами, но и без глас ощупать можно их действо, а о оных ничего не упоминает, то по тому можно видеть, что доброй солдат может быть, да худой министр».

Победа Бестужева-Рюмина над Шетарди и его сторонниками окончательно похоронила надежды Румянцева занять пост канцлера, Елизавета Петровна не могла оставить без награды победителя, в способностях и компетентности которого еще более убедилась. Пятнадцатого июля 1744 года Бестужев-Рюмин стал наконец канцлером.

На освободившееся место вице-канцлера императрица в тот же день назначила графа Михаила Илларионовича Воронцова, который входил в число особо приближенных к ней лиц. Он с ранней юности состоял при дворе цесаревны Елизаветы, делил с нею радости и горести тогдашнего ее положения, активно участвовал в дворцовом перевороте. Кроме того, Воронцов был женат на двоюродной сестре императрицы Анне Карловне, урожденной Скавронской. Казалось бы, такой человек в силу расположения к нему Елизаветы и заслуг перед ней мог занять важный пост сразу после прихода ее к власти. Но дочь Петра I, как уже отмечалось, не склонна была руководствоваться в кадровых вопросах своими симпатиями. Поэтому она более двух лет присматривалась к Воронцову и оценивала его способности.

То же самое относилось к двум другим приближенным к монархине – братьям Александру и Петру Ивановичам Шуваловым, которые вместе с Воронцовым состояли при дворе цесаревны, пользовались ее доверием и дружбой, немало потрудились для возведения ее на престол. Началом их возвышения стал тот же день 15 июля 1744 года, когда оба брата были произведены в генерал-поручики. Через несколько дней Петр Шувалов был назначен сенатором и скоро приобрел огромное влияние на дела внутренней политики России. Опорой при дворе ему служила жена Мавра Егоровна, урожденная Шепелева, которая с юности была лучшей подругой Елизаветы Петровны. Пятого сентября 1746 года братья Шуваловы были возведены императрицей в графское достоинство. В том же году Александр Шувалов заменил А.И. Ушакова на важнейшем посту начальника Канцелярии тайных розыскных дел.

Неизвестно, предполагал ли Бестужев-Рюмин встретить в новых сановниках самых опасных врагов. Пока же он торжествовал победу. Большой радостью для него явилось заметное охлаждение Елизаветы Петровны к Лестоку, которого она по-прежнему держала при себе в качестве лейб-медика, но не упускала случая выразить свое отношение к нему. Однажды Лесток начал говорить ей о больших способностях М.И. Воронцова, на что императрица ответила: «Я имею о Воронцове очень хорошее мнение, и похвалы такого негодяя, как ты,

могут только переменить это мнение, потому что я должна заключить, что Воронцов одинаковых с тобой мысль».

Елизавета со свойственной ей проницательностью не ошиблась в своем предположении, поскольку Лесток и Мардефельд действительно сумели вовлечь Воронцова во франко-прусскую группировку. Однако соперничество с Бестужевым-Рюминым оказалось ему не по силам. Канцлер выступал за активную внешнюю политику России и требовал направить русские войска против Пруссии, агрессивность которой, по его мнению, нарушала «равновесие в Европе» и угрожала российским интересам. Воронцов придерживался менее глобальных взглядов и со своей стороны подал Елизавете доклад, в котором подчеркнул, что «совесть ее величества не может позволить ей проливать русскую кровь, раз дело не идет о защите государства». Но точка зрения Бестужева-Рюмина возобладала, а Воронцов в августе 1745 года был отправлен императрицей на год в заграничную поездку, что явилось завуалированным выражением немилости. После его возвращения в Петербург Елизавета некоторое время сохраняла к нему холодность, которую Бестужев-Рюмин тщательно поддерживал предоставлением императрице сведений о расположении Воронцова к Пруссии, получаемых из перлюстрированных прусских дипломатических депеш. Большим успехом канцлера стал вынужденный отъезд Брюммера и Берхгольца из России в Голштейн. Упрочению позиций Бестужева-Рюмина немало способствовала женитьба в 1744 году его единственного сына Андрея на племяннице А.Г. Разумовского фрейлине Авдотье Даниловне.

Воронцов и Бестужев-Рюмин в одинаковой мере могли считаться патриотами, чьи разногласия определялись различным пониманием интересов России. Но этого нельзя сказать о Лестоке, для которого главной задачей являлось низвержение канцлера любой ценой. После принятия Елизаветой вторичного решения об отправке корпуса русских войск за границу для прекращения «войны за австрийское наследство» в ноябре 1748 году Лесток заявил прусскому посланнику Финкенштейну: «...Если, случится, противное дело дойдет до битвы, то можно биться об заклад, что русские потерпят неудачу... поражение войска составляет теперь желание всех благонамеренных генералов; многие из них говорили мне, что нет другого средства заставить императрицу открыть глаза на счет канцлера; если дела пойдут хорошо, то нечего и думать о перемене; надобно получить пощечину, и тогда нетрудно будет свергнуть канцлера».

Эти и другие сведения вынудили Елизавету в ноябре 1748 года распорядиться об аресте Лестока. Руководителем следственной комиссии по его делу был назначен друг Бестужева-Рюмина С.Ф. Апраксин, что, естественно, предопределило результат разбирательства. Лестоку было предъявлено обвинение в государственной измене с совершенно несерьезной формулировкой: «Ты хочешь переменить нынешнее царствование, ибо советуешься с министрами шведским и прусским, а они ко дворам своим писали, что здешнее правление на таком основании, как теперь, долго оставаться не может». Подследственному припомнили и грехи пятилетней давности, будто бы он, «любя Шетардия, такого плута на государя своего променял». Лесток держался мужественно, ни в

чем не признался даже под пытками и заявил; «Ее величество раскается, что напрасно обидела верного слугу». Елизавета Петровна сослала его в Углич. По поводу дела Лестока Екатерина II заметила: «Императрица не имела достаточно мужества, чтобы оправдать невинного; она боялась бы мести со стороны подобного лица, и вот почему с ее воцарения, виновный или невинный, никто не вышел из крепости, не будучи по крайней мере не сосланным».

По словам Екатерины, Бестужев-Рюмин и Апраксин «тогда еще творили у императрицы все, что хотели, и дело графа Лестока снова усилило их кредит». Лишь через десять лет роковое для канцлера стечение обстоятельств сделало его падение неизбежным.